

А

Жюль Ромэн

Шестое октября

Перевод И. Мандельштама

Ромэн Жюль. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Кн. 1: Люди доброй воли: Шестое октября. Преступление Кинэта: Романы / Перевод с французского И. Мандельштама, М. Левберг. -- М.: ТЕРРА. 1994

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

ЯСНЫМ УТРОМ ПАРИЖ ВЫХОДИТ НА РАБОТУ

Октябрь месяц 1908 года остался памятен метеорологам своей небывало прекрасной погодой. У государственных деятелей память короче. Иначе они вспоминали бы дружелюбно этот же месяц октябрь, потому что он им чуть было не принес с собою, за шесть лет до срока, мировую войну со всеми волнениями, возбуждениями и всевозможными поводами отличиться, которые такая война щедро дарит людям их ремесла.

Уже конец сентября был восхитителен. 29-го числа градусник показывал среднюю для разгара лета температуру. С тех пор держались все время теплые юго-восточные ветры. Небо оставалось безоблачным, солнце -- жарким. Барометр стоял на уровне 770.

Шестого октября, поутру, те парижане, что встают спозаранок, подходили к окнам, любопытствуя знать, продолжает ли ставить рекорды эта невероятная осень. Чувствовалось, что день несколько позже настал, но был он так же бодр и приветлив, как вчерашний. В небе царила дымчатость самого погожего летнего утра. Дворы домов, с трепещущими стенами и стеклами, звучали светом. Обычный шум города был от этого словно яснее и радостней. В темных квартирах первого этажа казалось, что живешь в приморском городе, где от залитого солнцем побережья гул распространяется и проникает в самые тесные переулки.

Брившимся перед окнами мужчинам хотелось петь, насвистывать. Девушки, причесываясь и пудрясь, наслаждались музыкой романсов, звеневшей в их душе.

Улицы были полны пешеходов. "В такую погоду я не езжу в метро". Даже автобусы имели вид опустелых клеток.

Все же было прохладней, чем накануне. Проходя мимо аптек, еще закрытых, люди смотрели на большие эмалированные термометры. Только одиннадцать градусов. На три меньше, чем в этот же час вчера. Почти никто не надел пальто. Рабочие вышли без шерстяных жилетов под блузами.

Несколько обеспокоенные прохожие искали в небе признаков более резкой перемены, данных о скором окончании этой любезной придачи к лету.

Но небо сохраняло непостижимую ясность. Впрочем, парижане не умели его вопрошать. Не замечали даже, что за ночь направление дыма немного изменилось и что ветер с востока -- юго-востока явно повернул на север.

Мириады людей стекались к центру. Множество экипажей устремлялось туда же. Но другие, почти в таком же числе, -- подводы, наемные кареты, тележки, -- направлялись к периферии, катили по предместьям, по пригородам.

Тротуары, уже не омываемые дождем, покрыты были тонкой, как пепел, пылью. Между булыжниками набилось много сухого навоза, соломинок. При каждом дуновении сор взлетал на воздух. Дурными испарениями тянуло от реки, в которой низко стояла вода, и от сточных канав.

Люди на ходу читали газеты. И как раз в то мгновение, когда заносили ногу над лужей и обоняли истомно тошнотворный запах, на глаза им попадалась заметка, озаглавленная: "Парижские нечистоты".

"Стоячие черные воды Сены -- это просто поля орошения. Улиц не поливают, почти не метут; из подвалов несутся неопишуемые ароматы, и канализация, эта остроумная система, испортившись и расстроившись, работает так плохо, что стимулирует всеобщую заразу, эпидемии, а также, произнести ли это страшное слово? -- холеру..."

Да, произнести ли его? Вот уже несколько недель холера свирепствует в Петербурге. Правда, в газетах только что сообщались новости, более или менее успокоительные: число новых заболеваний

А